7-го марта № 3 1914 года.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЖЕНЩИНЪ

Выходитъ 7-го и 22-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора и редакція: Москва, Б. Лубянка, 20.
Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Невскій, д. 30. Тел. 72-62.
Контора открыта съ 10 ч. утра и до 7 ч. веч.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:
За строку нонпар. впереди текста — р. 80 к.
" " " позади " — " 40 "
" " " въ текстѣ . . 1 " 50 "

Редакторъ принимаетъ ежедневно отъ 4 до 7 час. вечера.
Непринятыя рукописи не возвращаются.
Телефонъ редакціи: 3-38-68.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАХОВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ.

Как бы мы не относились к нашему времени, но все же над нами веет дух свободы.

Начиная от туалета, который в наше время освободил долго томившееся в плену, обёрнутое десятком покровов женское тело, все стремится в наши дни найти себя, разорвать какие-то узы, расковать цепи предрассудков, сбросить, как ненужную ветошь, тяготеющие над нами пережитки доброго старого времени.

Мы хотим жить, как велит нам наше внутреннее я , мы не хотим больше быть рабами условностей и лицемерить пред собой и другими. Мы хотим чувствовать, осязать жизнь во всей ей полноте и сами вносить в неё краски, радость, неуловимые трепет биения наших душ, наших чувств, наших переживаний — таковы лозунги женщины в наше время.

Может быть, во всем этом много внешнего, но неудержимое стремление к выявлению своей личности, даже к более яркому, красивому подчёркиванию тех даров, которыми наделила нас природа, во всем этом много смелости, красоты и размаха.

И, однако... однако, все же женщины живут под вечно тяготеющим над нами законом рабства. Освободив своё тело, сбросив с себя множество цепей, мы все же не освободили одного — своего сердца, своего права на любовь, на свободное чувство.

В конечном итоге мы вносим в жизнь только себя, а создателем и властителем материальных ценностей жизни является все же мужчина. Мы, как поэты, сами того не замечая, становимся жертвами своего призвания.

Мы создаём красочную сторону жизни, ею яркость, ее блеск, ее волнующие ритмы, мы вносим в неё трепет наших душ и тел , но в то же время, утончив, себя, увеличив свои потребности, мы сами не замечаем , как становимся все более и более рабынями царя жизни — мужчины. Мы все же только красивые вещи — и принадлежим тому, кто может нас купить. И никогда, быть может, так резко, так, мучительно ещё не чувствовался контраст между освобождающейся, властно заявляющей о своём "я" женщиной и ею вынужденным рабством.

Но мы в плену не только у мужчины, мы в когтях у самой жизни, у ее экономики, у ее железных законов и лишены права даже на осуществление такого высокого, святого призвания женщины, как быть матерью.

Можно сказать, что основная черта женщины нашего времени — это страх перед беременностью.

Мы не говорим о женщине обеспеченных классов, где этот, страх может, быть разве только эстетическим, где женщина, не вполне сознавая красоту самого материнства, боится беременностью испортить свою фигуру и формы, потерять обаяние женщины.

Мы имеем в виду женщину средних и низших классов, где каждый новый ребенок - обуза, наводящая на тревожные мысли о бюджете, где беременность — экономическое несчастье. Наконец, возьмите наших, так-называемых полудев, женщин, вынужденных своим экономическим положением жить на положение девичества. Целая армия наших почтовых и телеграфных чиновниц осуждена до сих пор на вынужденное безбрачие. Учительницы увольняются от службы за беременность, даже если они замужем.

Недавно одна из женских деятельниц на диспуте о женщине в Москве, совершенно правильно задала вопрос: Найдёте ли вы одну беременную женщину среди сотен женщин, служащих в магазине Мюра и МереЛиза?

Конечно, нет. Служащая женщина не имеет права быть беременной. Таковы веления капитала, его требования: так необходимо для сохранения приличного тона и внешних красивых форм, рассчитанного на глаз покупателя, современного торгового предприятия. Но ведь служащая женщина — не только изящная магазинная кукла, не только манекен. И она имеет право на личную жизнь, на чувство и даже на беременность!..

И вот, под властным натиском жизни, в наше время легализируют аборт.

Даже такое учреждение, как съезд криминалистов, высказалось за ненаказуемость абортов.

Но разве здесь решение вопроса? Разве нет чего-то высокой степени унизительного для женщины в том, что ей милостиво разрешают убивать себя, как мать, если у нее нет другого исхода?

Конечно, жестокие условия нашей жизни таковы, что нельзя убивать женщину, девушку, если она, не имея никакой возможности ни быть беременной, ни воспитать ребёнка, убивает его в зародыше.

Но нужно же понять, что легализация аборта — это только прощение за грехи, что это только оправдательный приговор, заранее вынесенный преступлению, что как бы мы ни пытались оправдывать аборт, все же нам не удастся стереть с него лежащего на нём оттенка убийства.

Социальная жизнь, знающая самые разнообразные бедствия, выдвинула и меры помощи против них. И вот, нам думается, одной из таких мер явится вопрос о страховании от беременности. Мы знаем страхование от огня, от градобития, от смерти, от потери трудоспособности, от несчастий на железных дорогах. В последнее время стали страховать даже голоса певцов и красоту женщин.

Раз беременность является для множества женщин бедствием, то почему же не может быть введено страхование беременности?

Что такое страхование, по существу? Это распределение тяжести бедствия, постигающего одного, равномерно на всех и в то же время распределение последствия несчастья на целые периоды времени и на самого себя. Здесь элементы самопомощи и взаимопомощи соединены, вместе.

Так почему же не соединиться женщинам вместе и не принять этот новый вид страхования, раз беременность для многих из них приходится, квалифицировать, как несчастье?

Пусть не предполагают, что введение страхования от беременности вызовет своего рода эпидемию беременности…

Всегда найдутся сдерживающие моменты, которые заставят женщину избегать беременности, опасаться ее.

Но если несчастье (с теми, для кого беременность является несчастьем) произошло, не будет тех пыток, которые вызывает беременность, перед женщиной не будет поставлена дилемма: или аборт, лишение права на материнство, или потеря службы и другие тяжёлые, вызываемые беременностью, последствия.

Допустим, что замужняя женщины, боящаяся беременности, и девушки с наступлением зрелости вносят доступный им страховой взнос и таким образом материально гарантировали себя на случай беременности. Какая огромная тяжесть снимается с плеч женщины. Какое освобождение не только экономическое, но и моральное!

Беременность перестаёт быть ужасом, материнство— несчастьем! Нет больше необходимости в такой убивающей душу сделке с совестью, как аборт, право на который хотят теперь бросить женщине, как унизительную подачку. Замужняя женщина, материально лишенная возможности материнства, девушка, давшая простор своему чувству и в силу разных условий оставшаяся вне брака, забеременев, могут быть уверены, что для них пройдёт благополучно этот, вызывающий теперь столько тревог, период, что они сумеют дать помощь, поддержать хотя бы первые шаги своего ребёнка.

Несомненно, эта форма помощи страхования так высока, так гуманна по сравнению с таким жестоким, насильственным средством, как аборт, что она заслуживает объединения всех чутко мыслящих и чувствующих женщин — и разумеется не частным комитетам должно быть отдано это дело, оно должно быть организовано на строгих началах взаимопомощи.

Жещципы должны сами помочь друг другу, — а это было бы гордостью женщины, если бы она сумела сама создать такие условия, которые освободили бы ее от необходимости аборта и сохранили бы за ней великое, святое право на беременность и материнство.

Поднимая впервые в России вопрос о страховании беременности, "Журнал для женщин" рассчитывает подробно на нём ещё остановиться и в ближайшем номере даст подробный проект такого страхования.

Содержание первых трёх глав.

— Елена Павловна Макарова, цветущая женщина. лет 38, в сопровождении мужа приезжает ранней весной в имение "Дубки" князя Г снять дачу. Елена Павловна озабоченно осматривает дачу. Ее "Адя" занят мечтами о "балетной" Нееловой 3-й, которую он содержит. Дача наконец нанята, и Мажаровы возвращаются в город. Со сторожем имения вступают в разговор о новых дачниках обычно перебирающихся на лето из города в "Дубки" оборванцы Михей и Серёжка.

Медленно заложив, руки в карманы женской кацавейки, Серёжка демонстративно проследовал мимо чугунной решётки парка к лесу, синевшему за озером. — Тоже... Дачники! — темный от желчи, проворчал сторож и поглядел босяку вслед с самой искренней ненавистью.

IV.

Сирень была в цвету, и молодая дубовая роща у дачи Мажаровых кудрявилась и словно улыбалась своими бледнозелёными листочками, когда пять огромных рессорных фур для перевозки мебели въехали, наконец, в настежь распахнутые ворота дачи.

Дети дворника и дети дачников, все босоногие и все растерзанные и грязные, потерявшие сразу на лоне сблизившей их природы все классовые, отличавшие их друг от друга признаки, — с визгом шарахнулись в рассыпную, чуть не попадая под ноги горячим, злым лошадям.

— Брысь отсюда. Убью — зарычал дворник, свирепо, скашивая глаза на любимого сына и от всего сердца, награждая его по дороге подзатыльником. Он кинулся навстречу фурам с таким видом озабоченной стремительности, словно от его промедления, зависела не только целость фур и мебели, но и жизнь самих Мажаровых.

Все дачники высыпали к калиткам и на крыльцо.

Это были обитатели дешёвых дач, перебиравшиеся на лоно природы при первых тёплых днях, чтобы избавиться от превышавшей их бюджет зимней квартиры.

Эти забитые нуждой маленькие чиновники, эти замученные, с испитыми лицами, жены их, — в душе которых никогда не засыпала мечта о счастье, любовь к природе и потребность в поэзии, среди бескрайних будней их тусклой жизни, — и даже их чахлые, бледные до синевы ребята, с кривыми рахитичными ножками, —все они жили тут, кто с Пасхи, кто с конца апреля. Все они радостно следили за расцветом парка

и рощи. Они взволнованно встречали первые цветы, подснежники и фиалки, рвали ландыши. Подмечали, как умирает снег, притаившийся в оврагах и канавках. Заслушивались соловьёв в белых сумерках майских ночей и на рассвете. Приветствовали радостными криками первые задумчивые вопросы кукушки там, далеко за оврагом... Они упивались ароматом цветущей ивы над озером. Бродили по прозрачному ещё парку, полному зачарованной тишины, среди молодых лип и дубков, где в мшистых влажных аллеях ещё лежали не сгнившие сморщенные, бурые листья, где как бы в воздухе веяло холодком зимней дрёмы...

Эти бедняки именно в силу своей бедности постигали всю красоту одиночества. Они знали, что такое *тишина* в лесу... Они в силу своей бедности, гнавшей, их из каменных мешков города на сырую дачу, нередко простужались и зябли по ночам от последних упорных «утренников» - заморозков. Но они же упивались всеми бессмертными радостями весны, которые неведомы «аристократам», являющимся на дачу в конце мая, уже летом.

Впрочем, они знали и чары поздней осени, когда состоятельные люди давно уже снялись с дач и заполнили театры столицы. Они знали, как прозрачен воздух в сентябре; как пышен и сказочно красив лес с золотом берёз и клёнов, с пурпуром осин, с странно-яркой зеленью тополей, с темным бархатом елей...Они знали, какими радужными красками играет липнущая к лицу паутина; какие пожары зажигает в небе вечерняя заря; как опьяняюще дышит влажная земля, осыпанная, точно золотом, мёртвыми листьями... Они любовались болезненной красотой последних цветов на куртине, ярких, как последняя любовь... Они знали, какая звонкая тишина стоит в парке; как причудливо клубится, туман над оврагом, весь пронизанный зеленым серебром луны... Они подсмотрели последние ласки умирающей природы, последние поцелуи охладевшего солнца...

И эта трагическая красота гибнущего леса, эти прощальные улыбки уходящего далеко солнца наполняли души их такой бескрайней и сладкой печалью, перед которой бледнели жгучие радости весны.

О, да! Они умели быть поэтами, эти бедняки... И только первые суровые заморозки, сковавшие землю и наполнившие парк звонкими отголосками, гнали их, наконец, в столицу, на поиски квартир. И, расставаясь с лесом, они плакали, как плачут, теряя друга...

V.

Пять фур, запряжённых громадными полудикими лошадьми, поразили, воображение пролетариев!..

С уважением и завистью, забыв, что на плите подгорает обед, следили они за предметами, которые появлялись на свет из фуры, как из бездонной дыры.

И снова общность чувств сближала барынь с кухаркой.

— Мраморный умывальник! Гляди, Федосья!.. С зеркалом!.. Боже мой! Что может стоить этакой умывальник?

— А мебель-то! Батюшки!.. Красная... Никак шёлковая?.. Ну, богачи!.. Сейчас видать...

И не успели ещё разгрузиться громадные фуры, как целая гамма чувств и настроений сменилась в душах барынь и кухарок.

Глаза потускнели. Вырвалось несколько раздражённых окликов. Сразу комнаты показались меньше, бедность невыносимее...

И в кухне сразу стало, тесно... Загремел, ухват. И кот, мирно спавший на шестке, фыркая и распушив хвост, выскочил на крыльцо и долго сидел там, расставив уши, с обиженной миной, недоумевая, за что его съездили по башке? Кому он мешал?

А. Вербицкая.

(Продолжение следует).

— «Понимаешь, Маня, как только я его увидела — я сказала: «это он». Ах, какой красавец! Ах» — хорошенькая, маленькая брюнетка говорила это, вертясь на табурете у рояля. Ее собеседница слушала ее со спокойной улыбкой, перебирая ноты.

— «Я знаю — ты смеёшься надо мною», — продолжала брюнетка — «ты серьёзная особа — для тебя «наружная красота» не играет роли, но Трофимов гений!»—« Гений, не гений, но большой талант».

— «Хорошо, значит и по твоей теории нет ничего удивительного, что я в него влюбилась» — обиженно произнесла она.

- «Да ведь ты с ним незнакома, Ната».

— «Что-же из этого — я всегда бываю на выставках! Ах его картины! А когда мне указали — вот сам Трофимов, я, как только взглянула, совсем потеряла голову! Зигфрид, понимаешь Зигфрид, надеть на него бы шлем с «крылышками».

— «При смокинге это не красиво» — говорит Маня.

Ната очень рассердилась, но не выдерживает и хохочет.

— «Хорошо, хорошо — насмехайся» — говорит она: « я к тебе, моей любимой кузине, прихожу и говорю, что полюбила — а она смеётся».

Ната надувает губки.

«Милая Ната, который ты раз полюбила на этой неделе?»— спрашивает Маня насмешливо.

— «А ты подразумеваешь того кавалерийского юнкера, о котором я говорила третьего дня — ну это пустяки, а теперь это серьёзно... Я не спала целую ночь и, как только встала, сейчас к тебе, ты должна мне помочь, если любишь меня».

— «Чем-же я могу помочь?»

— «Я хочу написать ему письмо» — торжественно заявляет Ната: «но... я ничего не могу придумать такого... понимаешь интересного, да и пишу я с ужасными ошибками. А ты... милочка, душка, ведь ты даже свои стихи печатаешь — что тебе стоит! Не откажи — я заведу с ним переписку, познакомлюсь с ним, и все мои подруги лопнут от завести!»

Наташа бросилась на шею своей собеседнице и принялась душить ею поцелуями.

— «Ну, хорошо, хорошо»— отбивалась та:—«что-же ты хочешь написать?»

— «Ах», все равно, все равно, только бы он ответил!
— «Хорошо, зайди вечером» — меня саму это заинтересовало — хочу попробовать, удастся ли мне этот жанр беллетристики».

— Василий Петрович Трофимов, начинающий входит моду, художник, только что, поднявшись с постели, делал упражнения с гирями.

— «А, Борис, мне тебя и надо!» — весело закричал он», увидев своего приятеля Ломова, вошедшего в его мастерскую. — «Я сегодня даже собирался заехать к тебе.

— «В чем дело?»

--«Видишь — я начинаю входить в моду. Меня выставляют, меня ругают, даже покупают — и в результате, конечно, дамские письма. Большей частью я на них не обращаю внимания, но сегодня я получил одно не похожее на предыдущие — и почерк и бумага. Может быть какая-нибудь аристократка, надо ответить. Вот прочти» — и Трофимов» передал Ломову тонкий листок почтовой бумаги.

Ломов начал читать с насмешливой улыбкой, но потом улыбка эта исчезла и он, прочитав письмо, бережно сложил его и задумчиво произнес.

— «Какая умница — зачем она делает такую глупость, как это письмо».

— «Почему глупость?»

— Как тебе сказать, хотя в письме и нет намека на флирт, но, ведь, ты на него посмотрел, как на попытку к флирту.

— «А то зачем» бы она писала?» — удивился Трофимов.

— «Вот видишь — она сделала глупость — ей хотелось высказать свой восторг перед твоим талантом, высказать свои заветные мысли об искусств, и она не подумала о том, как ты посмотришь на это письмо... Что же ты на него ответишь?»

—«Вот», вот — за этим то ты мне и нужен». Ответь за меня — сам знаешь, в писании я не боек! А кто знает, может быть, это какая-нибудь графиня или дочь банкира с миллионами».

Ломов» рассмеялся.

— «Ну, давай, попробую. Почтовое отделение X. Z. Ну, где у тебя здесь можно написать?»

— Семен», Семен», есть у тебя чернила? Да уж кстати дай и конверт»».

— «Нет, я уж лучше напишу дома» — сказал Ломов, брезгливо отстраняя грязный пузырек и изгрызанную вставку, которые принес Семен.

Переписка завязалась оживленная.

Но по мере того, как пишущие все более увлекались ею, те, от имени кого они писали, совсем к ней охладели.

Ната влюбилась в кирасирского офицера и флиртовала с ним напропалую, а Трофимову — просто надоело читать эти «больно ученые письма». Он их больше не читал и отдавал Ломову не распечатанными со словами: «А тебе опять письмо от твоей».

Ната не ходила даже за письмами на почтамт и изредка только спрашивала: «что этот» дурак все еще разводит свою философию, ты мне скажи, когда он станет наконец просить свидания».

А Маня и Ломов» писали чуть не каждый день. Это не была любовная переписка, но они, так привыкли делиться своими впечатлениями, что у обоих эти письма — скорей беседы в письмах о самых разнообразных вопросах, сделались необходимыми. Но искать свидания они не решались, ведь они были «не те, которые писали».

— «Марья Николаевна! Как это мило, что вы, наконец зашли ко мне!» — встретила Маню m-me. Грев. Позвольте вас познакомить — наша знаменитость m-r Трофимов»».

Манина рука слегка дрогнула, кровь прилила к щекам».

Трофимов был в ударе. Рассказывая анекдоты; острил невпопад и сам хохотал первый над своими остротами, сплетничал, хвастал своими успехами и победами над женщинами... Ломов терпеть не мог семейных торжеств, а в этот день ему пришлось, купив букет, отправиться поздравлять с днем рождения одну из своих тетушек. Он уже два дня не получал писем от Мани и потому был не в духе. Его раздражали эти салонные разговоры, а тетушка, как нарочно, посадила его около группы девиц, шепнув: «займи барышень».

Он уже собирался уйти, не прощаясь, когда услышал фразу:

— «Ну, Ната, сознайся, ты была неравнодушна к Трофимову, ты даже писала ему».

Он быстро повернулся. Так неужели эти милые письма писала эта Ната Шатикова, на которую, встречая ее у тетушки, он почти не обращал внимания.

— «Ах m-r Борис» — воскликнула Ната — «заступитесь за меня у них» — она кивнула головой на подруг: «вечные фантазии! Я совсем не умею влюбляться, мне просто нравилось мистифицировать этого господина... Ах, mesdames, какие глупо сентиментальные письма он пишет— я вам когда-нибудь прочту — вы умрете со смеху».

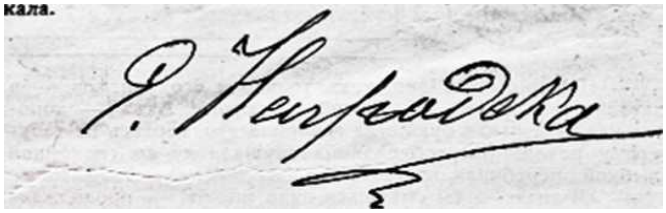
Ломов воспользовался первым подходящим моментом и скрылся.

Он возвращался домой в странном настроении, ему казалось, что рухнуло какое-то красивое, легкое здание, что-то светлое и хорошее умерло позорной смертью.

Он насмешливо улыбнулся и, вынув из кармана последнее письмо Мани, разорвал его и следил как клочки тонкой белой бумаги падали на грязную мостовую.

Он решил больше не отвечать на письма. Да Маня больше и не писала. Вернувшись от m-me Грев с пылающим лицом и сдвинутыми бровями, достала она пачку писем Ломова и швырнула ее в топящуюся печку, потом тут-же у печки присела на ковер, закрыла лицо руками и тихонько заплакала.

кала.



Идеальный мужъ.

Года три назад один из молодых представителей семьи нью-йоркских миллиардеров Вандербильтов поразил даже привыкшую к чудачествам, эксцентричную Америку.

Поразил своим «браком по-американски».

Юный Вандербильт сделал предложение дочери одного из королей рынка. Предложение было принято. Но вместе с тем жених заключил со своей невестой такое условие. Целый год молодые люди проводят вместе.

Вместе путешествуют, вместе отдают время спорту и за это время присматриваются друг к другу, изучают один другого. Если по истечению года кто-нибудь из них разочаруется в любимом человек, то разочарованная сторона может отказаться от вступления в брак. До того же времени они считаются женихом и невестой.

Такое испытание может гарантировать счастье в предстоящем браке.

Но если опыт Вандербильта представляется, исключительным примером, то все же не редкость, что чувства свои и любимого человека испытывают разлукой. Зачастую европейская невеста:

Вздохи шлет свои в Калькутту,
Где Альфред ее лет пять.
Сеет мак, во имя Мери,
Чтоб китайцев отравлять.

На такие опыты над чувством способны едва ли не одни только практичные янки и дочери Альбиона. В подавляющем же большинстве случаев, надо признаться, браки заключаются слишком быстро.

Люди, не связывавшие себя в любви формальностями, разочаровавшись, друг в друге, расходятся. Связавшие же себя без долгих рассуждений, без длительных испытаний, когда приходит этот час разочарования, порывают с трудом, с трудом расходятся, разводятся, а чаше всего предпочитают мучиться в лишённом счастья сожительства.

Тысячи женщин жалуются на мужей:

— В браке он изменился, стал не таким, каким был до брака.

Жалуются и тоскуют об идеальном муже.

Обычное явление быстро заключённого брака в наши дни.

Эти дни, пожалуй, можно даже назвать днями исканий идеального мужа.

Но нужно ли его искать?

Иметь идеального мужа — в конце концов зависит от жены.

Уверяю, это далеко не парадокс.

Вспомните — одно из действующих лиц великолепной комедии О. Уайльда " Веер леди Уиндермер ", говоря об игре, какую из себя представляет брак, остроумно замечает:

— У жён всегда все онеры в руках, а он непременно теряет последнюю взятку.

— Это мужа, что ли? — догадывается его собеседница.

Герой комедии, Уайльда вовсе не неправ в своём утверждении.

Жены теряют мужей, потому что предъявляют к ним чрезмерно большие требования.

Идеал мужа это далеко не то же, что и идеал любимого человека или любовника.

Любимого человека всегда идеализируют. Любовника тоже представляют себе, хотя немного героем.

Мужа никто не идеализирует. Он и не герой, а обыкновенейший человек, у которого наряду со всеми достоинствами и все недостатки. Но от этого человека, служащего в банке, ездящего в присутствие, составляющего чертежи и сметы и позволяющего себе ворчать за пережаренные котлеты, требуют не только похвальных для мужа качеств, но и тех, какими возлюбленного охотно наделяют, хотя бы в действительности он их и не имел.

Женщина всегда требует от ухаживающего за нею мужчины внимательности к себе, заботы о ней.

Жена же сверх того требует от мужа, чтобы он был семьянином.

Требование вполне понятное. Естественно вытекающие из самого факта существования семьи, этой общественной ячейки.

Требование, которое, вопреки мнениям юристов, не считающих возможным вводить в законодательные предписания нравственной нормы, нашло себе место даже в наших законах:

Муж обязан любить свою жену, как собственное своё тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки, облегчать ее немощи. Он обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию, и возможности своей.

За исключением последней фразы, содержащей предписание юридического характера, в остальном эта статья закона, написанная ещё в дни "матушки Екатерины" разве заключает в себе что-либо другое, кроме нравственных предписаний, разе не рисует образа идеального семьянина?

Правда, у жён представление об идеальном муже несколько варьируется.

Для одних семьянин тот муж, который, ставя заботы о сем на первый план, стремится к созданию материального и морал ного благополучия семьи.

Постановка вопроса сравнительно широкая.

Для других идеальный муж тот, который живет только дл жены, почти не имеет личной жизни, отдавая жене все помыс лы, все своё время.

Такой взгляд несравненно уже.

Предъявляя подобные требования к мужу, жена пытается, от нять у него его общественную жизнь, его интересы, его увлече ния (конечно, не в смысле любовных).

Есть, конечно, мужья, по характеру, по слишком укоренившимся в них привычкам непризванные к семейной жизни чуждые ей. Есть, и немало. Но не о таких должна идти речь.

Из большинства мужей можно создать идеального мужа. Есл же муж не представляется своей жене идеальным мужем, то этом виновата преимущественно она сама.

Чехов устами героя своего рассказа "Ариадна" исповедался лица многих мужчин:

"Если мы женимся, или сходимся с женщиной, проходит каких-нибудь два - три года, как мы уже чувствуем себя разо чарованными, обманутыми; сходимся с другими, и опять разо чарование, опять ужас".

А ведь можно удержать мужчину от такого конечного вывода можно не дать ему почувствовать себя разочарованным, обма нутым. Это зависит от женщины, от жены.

Не давайте вашему мужу забывать в вас женщины..

Держите его постоянно в атмосфере своего женского обая- - ния — и перед вами будет не ворчливый брюзжащий муж, а то пылкий влюблённый, каким был ваш потерявший голову жених.

Но вместе с тем потрудитесь и над созданием семейного уюта. Только тот, кто умеет его создавать — истинный семьянин

Смешно отрицать, что в этом деле женская душа, женские ру ки менее пригодны, чем мужские.

Капризная повелительница, властно повелевающая, силь- ная своей красотой, хороша для мужчины только в роли минут ной богини, но не спутницы жизни.

Жене нужна доля известной уступчивости, без которой немыслим духовный уют, согревающий семью, создающий е тепло и ее радости.

Доля уступчивости, но в то же время доля... настойчивости мягкой, почти незаметной, обольстительной.

Вот то, что может сделать жена, стремящаяся к тому, чтоб обеспечить со стороны мужа идеальное отношение к себе.

В чем же, в конце концов, должно выражаться это отноше ние?

Идеальным мужем будет тот муж, который помимо матери альных ценностей будет, приносить в дом и ценности духовные Который будет доставлять удовлетворение духовным интере сам, склонностям, вкусам жены, сумеет питать их.

Вот почему идеальным мужем может быть мужчина, есл не с большими духовными запросами, широкими взглядами, т во всяком случае с чуткой душой, мужчина, может быть, не сколько ограниченный, но человечный.

Слишком большой кругозор, широкие интересы неминуем должны отрывать мужчину от семьи.

Горькую истину, поэтому, приходится принять жёнам, которы хотят иметь в своих мужьях идеал мужей.

Его они найдут только между средними людьми.

Фанатики идеи, большие идеалисты, самоотверженные люди люди с большими запросами души никогда не будут мужьями идеальными.

Юные девушки, восторгающиеся высокой, полных чистых по рывов душой безалаберного тургеневского Рудина, должны от казаться от мысли увидеть его идеальным мужем.

Дон Кихот, мечтающий об Альдонсе, всегда останется толь рыцарем, но не мужем.

Маргарита Готье.

Воспитаніе ребенка.

Редакція «ЖУРНАЛА ДЛЯ ЖЕНЩИНЪ» заручилась любезнымъ согласіемъ предсѣдателя московскихъ педагогическихъ курсовъ Н. В. Чехова вести въ журналѣ отдѣлъ по вопросамъ дѣтскаго воспитанія.

Въ своихъ статьяхъ Н. В. Чеховъ освѣтитъ всѣ фазы жизни ребенка, — начиная съ первыхъ шаговъ его, кончая послѣднимъ воспитательнымъ этапомъ, когда ребенокъ подростаетъ и родительская опека ослабѣваетъ и постепенно исчезаетъ.

Настоящей статьей Н. В. Чехова открывается циклъ дальнѣйшихъ статей по вопросамъ дѣтскаго воспитанія.

I.

Первое детство.

Страшная, давно жданная и всегда неожиданная минута: пронёсся первый крик ребёнка! Ещё боль не утихла. Молодая мать ещё вся дрожит от волнения, от никогда раньше неиспытанных, небывалых мук. Ещё холодный пот покрывает ее бледный лоб, но и она и все кругом уже знают, всем существом чувствуют, что страшная минута уже прошла, что трудный подъем на гору, казавшуюся такой далёкой, такой недосягаемой, совершён, перевал пройден, и теперь дорога пойдёт вниз. Быстро, удивительно быстро наступает, успокоение. Напряжённое состояние всех окружающих переходит в радостное, деловое оживление, в хлопотах и о матери и о «нём», кто только что появился на свет и уже властно требует к себе внимая, требует забот и ухода. И он все получает, может быть, не всегда так, как бы это надо было, но всегда с душевным расположением, с полною готовностью со стороны тех, которые стоят кругом постели, толкутся в спальне.

Но вот ребёнка вымыла опытная рука акушерки, она ловко завернула его в чистые белые и мягкие пелёнки, повязала платком, сложенным треугольником, его голову и подложила его к матери. Ребёнок еще не умеет сосать, ему напрасно в суют в рот то, что скоро он с такою жадностью будет искать и хватать, а теперь он отворачивается. Да его и подносят не для того, чтобы он поел: он не голоден и может ещё свободно прожить часов 12, не жалуясь и не требуя пищи. Это, скорее, первый урок, который он получает в жизни: его начинают приучать сосать.

Полтораста лет тому назад, один из величайших философов мира Руно выступил на защиту этого ничтожного существа, этого «кусочка мяса», как любят называть таких детей ничего не понимающие мужчины. Руно провозгласил право этого существа на материнское молоко и на свободу движения от варварского способа пеленаньем превращать ребёнка в какую-то вещь, которой позволяется с грехом пополам кричать, но ни за что не позволяется двигать руками и ногами. И вот через полтораста лет идея Руно торжествует, но увы! ещё больше в теории, чем на практике. Наука, путём неопровержимых данных, доказала, что самая лучшая пища для ребёнка в первые месяцы его жизни — материнское молоко и что пеленание — положительно, вредно для правильного развития ребёнка.

Первый ребёнок для матери, в течении нескольких месяцев в — это «самая важная вещь в мире », и если мать не смотрит на ребёнка так в это время, она готовит горе и себе и ему. Жизнь часто требует от молодой матери много сил и много времени и для работы на стороне, которая так необходима для семьи, и для домашних хлопот, и для светских или общественных отношений, но среди всего этого ее не должна ни на минуту покидать мысль, что где то есть существо, с которым она неразрывно связана и для которого теперь никого и ничего в мире не нужно, кроме ее, ласки, ее молока. И это сознание должно наполнять мать и чувством гордости и тем сладким и глубоким инстинктом, который именуется материнской любовью.

У ребёнка может быть нянька, которая помогает матери в уходе за ним, сторожить его, когда матери нет дома, но она должна быть послушным орудием в руках матери, исполнительницей ее воли.

Какой уход нужен за ребёнком в это время?

Он должен быть сыт, умыт и согрет — этим исчерпываются все его несложные потребности. Если удовлетворение их с самого начала поставлено правильно, то ребенок сразу, моментально привыкает к своему режиму и ведет удивительно регулярный образ жизни, лишь бы старшие не сбивали с установленного порядка смены еды, сна и умывания.

Особенно важное значение имеет такой строгий порядок, если мать принуждена на определённое число часов уходить из дому.

И как тонко и чутко понимает мать, которая сама кормит и сама пеленает, и моет своего ребёнка, не только всякий крик, всякий вздох, движение, неясное и неуловимое выражение лица или губ!

Вслед за пеленанием должно отойти в вечность и ещё более вредное укачивание ребёнка. Ведь ребёнок, которого укачивают, когда он закричат, умолкает потому, что почти теряет сознание от непривычного состояния сухопутной качки. Ребёнок, пока он не умеет стоять на ногах или ползать на четвереньках, должен большую часть времени лежать в своей кровати, то навзничь, то на одном боку, то на другом. Более или менее частое изменение в положении лежащего ребёнка есть живая потребность его, удовлетворение которой отнимет у него всякие поводы кричать и плакать («проситься на ручки», как говорят обычно няни), если он не голоден и сух.

И так спокойно проходит жизнь ребёнка в первые полгода: от сна к еде, от еды к спокойному бодрствованию в кроватке, от этого состояния к приятному погружению в тёплую воду ванночки и опять к еде. И все это точно, в положенный час. На руках и коленях у матери или няни ребёнок может быть только тогда, когда его переносят куда-нибудь или кормят. Вот жизнь, которую непонимающий человек мог бы счесть за чисто растительную, но которая в то же время полна глубокого, захватывающего интереса для матери. Между нею и ее ребёнком, скоро устанавливается без слов и знаков такое взаимное понимание, такое духовное сближение, которое вряд ли где существует в такой мере. Ребёнок не может объяснить своего желания, не может словами пожаловаться на неудобство, голод или скуку, нет у него ни своих терминов, ни своих ясно сознанных и провозглашённых желаний, но есть ощущения и разнообразные выражения этих ощущений. За него думает и сознает, что ему нужно, его мать. Он заплакал – и сам, наверное, не понимает отчего, а мать понимает это и немедленно делает то, что ему нужно.

Скоро мать подмечает, что у ребёнка с каждым днём проявляются или появляются впервые те или иные привычки, личные особенности, из которых складывается его, характер: она уже знает, что он любит — чего терпеть не может. И это зрелище появляющегося на свет Божий духовного человека, ещё поразительнее того великого акта, в котором возникает его телесная оболочка. Перед нами беспомощное существо, но это уже человек, он создал уже свой мир, имеет своё мировозрение, которое только количественно — суммою представлений и познаний, но не качественно отличается от мировозрения взрослого человека. И через 20—25 лет мать будет узнавать в своем сыне те же черты, с которыми она впервые познакомилась, которые полюбила в первые, такие хлопотливые, тяжёлые для неё месяцы его жизни.

Да, уход за ребёнком, и особенно за первым ребенком, бывает страшно тяжёл для матери, но это в то же время неоценённая для неё школа, которая даёт ей знания, умение, которых нельзя вычитать ни из книг, которым нельзя поучиться ни в какой школе. И эти знания помогут матери облегчить свою работу в дальнейшем: исполняя всегда желания ребёнка, она выучится управлять им в такой мере, что он будет у неё и спать, и гулять, и есть в такое время, когда она того пожелает, или вернее, которое она для него установит, потому что ему, как и ей, необходимы спокойствие и регулярный образ жизни. И когда затем у матери появится второе, третье, четвертое и следующее дитя, ей будь г о р а з д о л е г ч е

справляться с 4—5-ю малютками, чем было справляться с одним первым: она уже прошла высшую школу материнства. И из этой школы она сама выходит преображённая. Первое условие здоровья ребёнка, которого кормит мать, это душевное ее спокойствие. Если мать понимает за ребёнка, чего ему нужно, то он чувствует за неё, хорошо ли ей или худо. Всякое волнение, огорчение в матери—все это отзывается на ребёнке с поразительной силой, и она немедленно узнает это. Иногда она сама не замечает того, что происходит с нею, пока ребёнок этого ей не расскажет своими криком, беспокойною ночью или ещё более страшными признаками угрожающей болезни.

И мать начинает следить за собою, все огорчения, мелкие неприятности, даже постоянные заботы и горе начинают казаться ей ничтожными по сравнению с интересами здоровья и жизни ребёнка: ведь это «самая важная вещь в мире!»

Отдайте ребёнку свою душу, все силы, все свободное время в течение первых 5—6 месяцев его жизни, и вы не пожалеете об этом. Вас отблагодарит он не только в будущем но сейчас, в эти самые 5 — 6 месяцев он откроет вам целый мир тайников зарождающейся человеческой души, сделает вас умнее, лучше, чище — человечнее.

Н. В. Чехов.

Мы сравнительно ещё плохо осведомлены о новинках иностранной литературы, пока они ещё не переведены на русский язык и не появились в витринах книжных магазинов, опоясанные заманчивым пояском «только что вышло», да и то это почти исключительно романы общепризнанных корифеев и властителей дум запада. Книги же, затрагивающие социальные вопросы о воспитании детей, о школьной жизни и др., представляющих известный интерес остаются своего рода terra incognita для русского читателя, особенно провинциального, лишённого такой необходимой «роскоши», как хорошая библиотека. А сколько таких неведомых книг истинных сокровищ.

Недостаточное — подчас, знакомство с иностранными языками (а что дают нам наши гимназии в этой области!) или просто затраты и затруднения, связанные с выпиской книг из-за границы, не позволяют многим и многим интеллигентным женщинам быть, как бы они хотели, в курс новостей заграничной литературы.

Думаем, что мы идем навстречу нашим читательницам, давая им периодически краткие заметки о стоящих их внимания книгах, так или иначе затрагивающих жизнь женщины.

Так, нельзя обойти молчанием недавно вышедшей в Лондоне интересной книги под заглавием «Поборница прав народа», политического и общественного деятеля Рамзая Макдональд, описывающего жизнь своей умершей жены Энгельс- Маргариты Макдональд. Жизнь Маргариты Макдональд настолько ярка и богата трудами на социальном поприще, что перевод этой книги на русский язык был бы весьма и весьма желателен.

Маргарита Макдональд смотрит на жизнь, как на драгоценный дар, которым надо широко пользоваться для служения людям. Все стремления этой замечательной женщины были направлены к тому, чтобы в своей тяжёлой доле человек знал не только одну тяготу труда, но также и «радость жизни». Счастливое детство делало эту потребность в радости у Маргариты Макдональд особенно сильной. Рано потеряв мать, она была воспитана родственниками в Шотландии. Красота природы и ласка, окружающая девочку, делали ею особенно чуткой и отзывчивой к тому и другому.

В 13 лет она впервые поехала с отцам на континент, и первое путешествие оставило в ее юной душе глубокий след.

В 19 лет молодая девушка уже знала, в чем состоит ее призвание и, завершив своё образование, она немедленно открыла воскресную школу для мальчиков.

Этим началось практическое применение в жизни ее идеалов, которым она оставалась верной до последней минуты. Мальчики были недисциплинированный народ и доставляли молодой учительнице много хлопот и огорчений.

Она знакомилась с их матерями и старалась, таким образом, ближе узнать среду бедняков. Для фабричных работниц, приказчиц и для работающих в ночные часы женщин, она своей неутомимой энергией являлась горячей защитницей, доходя до министра, когда это было необходимо, не ограничиваясь обещаниями правительства.

Ей обязаны введением должности инспектрис-женщин для женского труда в Англии. С Германией и Америкой Маргарита Макдональд постоянно поддерживала сношения, интересуясь новшествами, но венец ее деятельности—в основанной ею «Женской лиге», к которой примыкали женщины всех классов, потому что она убедилась, что только воспитание женщины, совместно с ее технической подготовкой, служит базисом для поднятия ее умственного уровня и для улучшения ее материального положения.

Образованные и сплочённые работницы — вот что было ее идеалом. Девизом ее было: «Без организации никогда женщина не будет иметь пользы ни от права голоса, ни от других нововведений».

Вся ее жизнь была одно стремление к такой сплочённой организации.

В отношении политическом она, конечно, смотрела на отсутствие у женщин права голоса, как на высочайшую несправедливость и обиду, но выходки суфражисток возмущали ее тем более, что благодаря этим уродливым проявлениям, все, так систематично подготовляемое, дело готово было рухнуть, что и случилось.

Маргарита Макдональд, прожила 40 лет и умерла в расцвете своих умственных сил в прошлом 1913 году.

Этот краткий очерк не даёт даже слабой идеи о красоте и величии жизни этой энергичной деятельницы, поборницы народных прав в Англии.

Ксури.

Я хочу поговорить, мои дорогие, читательницы, о том, что мучает меня сейчас, неотступно преследуя, как призрак ...

Это настроение вызнано письмом одной милой несчастной женщины...

В нем было столько тоски, столько безысходного отчаяния.

Я поняла, что она пришла на грань жизни, когда все вопросы, все муки разрешаются, не задумываясь, легко и просто...

Ее письмо произвело на меня сильное впечатление. Я все думаю о ней...

Стараюсь представить ее себе.

И мне чудится маленькая, хрупкая прелестная женщина...

Юное, изстрадавшееся личико, с огромными глазами, в которых застыла нестерпимая боль...

Слегка вздрагивающие бледны губы...

Едва заметная морщина над тонкими бровями говорила, что она напряженно мучительно старается разрешить какой-то важный вопрос.

Чудилась она мне вздрагивающей от рыдания, измученной, жалкой, как маленькая птичка с помятыми крыльями...

Я мысленно целовала в ее белоснежный лоб, под которым притаилась жуткая мысль...

Мысленно касалась ее волос, шепча нежные слова утешения...

И казалось, что она рыдая прижималась к моей груди и рассказывала о своём горе, о своих страданиях...

В ее истории нет ничего необыкновенного...

Но вот именно и ужена история этой маленькой женщины своей простотой и обыденностью...

То же пережили и переживают много других женщин...

Я заключаю это по тем письмам, которые получаю... Она писала мне о том, что когда-то ждала своего прекрасного рыцаря, мечтала о нём. Наконец встретила его, полюбила и, не задумываясь, отдала ему всю себя.

Первые дни, недели, были наполнены хмельным, опьяняющим счастьем ...

А потом ....

Потом кто-то неведомый, влетный позавидовал их счастью и незаметно вплел в него тернии—бедность, лишения, вечные заботы о завтрашнем дне...

Сердце ещё трепетало счастьем и не хотелось заглядывать в будущее...

Небо было ещё безоблачно и лазурно, но на бледном горизонте уже появилась зловещая полоска крадущейся бури.

Счастье было недолго...

Он стал угрюм и молчалив.

Реже подходил к ней, реже ласкал ее...

Все чаше раздражался, и слова его дышали скрытой злобой и ненавистью...

Горечь, обиды, разочарование, накопились в груди бедной женщины.

Она готовилась стать матерью. Когда это стало заметно, там, где она служила, сказали, что в ее положении продолжать занятия неудобно.

Она должна была покориться.

Прибавилась, еще капля горечи...

Перед глазами вырос грозный призрак беспощадного голода...

Ссоры участились...

Жизнь превратилась в каторгу.

Вскоре она стала матерью. Всю любовь свою, всю нежность она перенесла на это маленькое родившееся существо.

Долгие ночи, голодная, изстрадавшаяся она просиживала над колыбелькой ребёнка и, глядя на него, радовалась и плакала...

Весь смысл жизни сосредоточился в нём.

Его детский невнятный лепет звучал для нее подобно дивной музыке...

А он, ее «прекрасный рыцарь», бросил ее на произвол судьбы.

Покинутая, одинокая, она долго боролась и наконец выбилась из сил.

Шаг за шагом, постепенно пришла к жуткому решению—умереть...

— Я устала... смертельно. Устала,— окончила она своё письмо. — Мне хочется успокоиться... У меня нет сил уж больше жить..

Я написала ей, постаралась как могла утешить и убедить отказаться от ее решения...

Я постаралась зажечь в ее измученном сердце искру жизни, и эта искра, я уверена, впоследствии разгорится в пламя...

Разве не ужасна эта обыкновенная заурядная история?.. Юные девичьи грёзы рассеяны, любовь поругана, призрак счастья исчез...

Острая нужда, голод... заботы о ребенке, о себе...

И все это должна вынести на своих плечах одинокая, слабая женщина?

Ею выгнали со службы только потому, что смела, захотеть быть матерью, не будучи официально замужней...

Разве все это не ужасно?

Почему же на бедную девушку, которая не могла, да просто не хотела бороться со своим чувством, которая пригубила опьяняющий кубок счастья—почему же только на нее падает всей тяжестью рождение ребенка вне брака?..

Ее изгоняют из общества, ее презирают...

Так уж было всегда, что женщина во все века в цивилизованном мире была ответственна за падение одна.

Она несла на себе все муки беспощадного позора отверженной, и на нее падало материальное бремя воспитания своего незаконорожденного ребёнка, но самое ужасное это то, что в будущем ее же дети, вырощенные ее с громадным трудом и лишениями, попрекнут ее же своим незаконным происхождением. А отцы всегда оставались, безнаказанны, веселы, спокойны и, вообразив себя какими-то высшими существами, продолжали вести беспечно тот же образ жизни...

Современный мужчина через чур уж легко привык смотреть решительно на все...

Может быть это потому, что в большинстве случав в современном мужчине страсть, любовь и даже хотя бы временное, но искреннее увлечение, заменила полнейшая нравственная распущенность...

«...Несмотря ни на что, я все-таки хочу быть матерью. Я испытываю сейчас какое-то странное незнакомое мне чувство...

Что-то похожее на гордость и самосознание, охватывает меня...

Я буду матерью!.. У меня будет ребенок... свой..., который будет звать меня мамой. Я буду нужна ему и дорога. Если и умерла моя любовь и счастье—то разве любовь к ребёнку не заменит утраченное?..

Только одно меня смущает—мой ребёнок не будет носить имя отца...

Он будет — «незаконнорожденный»...

Моя милая женщина, я разделяю вашу радость.

От всей души приветствую ваше решение, вашу смелость.

Не волнуйтесь и не смущайтесь, что ваш ребёнок будет «незаконнорождённый».

Все ещё может измениться. Вы молоды, можете встретить кого-нибудь на своём пути, полюбить...

Он женится на вас, и усыновит вашего ребёнка.

И все кончится счастливо...

В настоящее время женщина уже подняла голову и требует не только права узаконивать «незаконнорожденного» ребёнка, передавать ему своё имя и имущество, но ещё и указать обществу на его отца и требовать от него своевременной помощи для сохранения жизни и воспитания ребёнка.

Самое слово «незаконнорождённый» должно быть изгнано из человеческого языка.

Ведь, нет же незаконно умерших, а между тем есть умершие самовольно, не по естественному закону предела жизни, а родившихся самовольно, вне естественного закона рождения, нет, а потому и не может быть незаконнорождённых...

Принцесса Грёза.

Ответы "Принцессы Грёзы".

Курсистке. Милая девушка, с вашим богатством и вы ещё грустите?..

— «Глаза большие, темно - серые, которым я могу предавать любое выражение, и умение держаться, чего нет у моих остальных товарок»...

Вы прелестны...

Если захотите, то с этим оружием в руках вы можете вскружить кому угодно голову... Но, детка, я уже говорила в прошлом номере «Журнала для женщин», что недостаточно «хотеть» счастья, но нужно и осмелиться самой взять его.

И с тем, что вы имеете — так легко...

Сбросьте эту ненужную маску холодности и гордости.

Есть типы мужчин, которые либо совершенно не любят таких женщин, либо просто боятся их...

И когда вы встретите «его»— хотя-бы одним взглядом, одним движением дайте понять «ему», что «он» нравиться вам.

Пусть хоть на мгновенье в ваших глазах он прочтёт вашу скрытую жажду счастья...

Исторія женскаго костюма.

1.

Отчего происходит, что все модное кажется нам красивым, а все вышедшее из моды неуклюжим?

Неужели, в самом деле, мы уже такие безвольные рабы моды?

Посмотрим на это, так сказать, философски.

Что такое мода теперь,— именно теперь, когда в Париже над нею работают тонкие знатоки стиля, не стыдясь, руководят ею художники?

Мода — маленькая, но неотделимая частица искусства.

С этим нельзя не согласиться.

В истории искусств, всегда найдётся глава и несколько страниц иллюстраций, посвященных модам всех эпох.

То, что кажется прихотью, иногда неудобной и нелепой, вызывается укладом жизни, иметь своё право бытия в виду своей связи с ним.

Возьмём, хотя бы, как бы каскадом ритмических складок падающие одежды гречанок, — те, которыми мы любуемся на танагрских статуэтках, на этих прекрасных, утончённых произведениях безымянных мастеров их обожжённой глины.

Одежды эти были вызваны жарким климатом, — они оставляли тело свободным в движениях, были красивы и стройны, как красивы и стройны были окружающие здания.

Теперь посмотрим на костюмы средневековья.

Эти остроконечные ,высокие дамские уборы, с ниспадающей с них тканью, тяжёлые платья...

Они шли к тому времени.

Прекрасные обитательницы неприступных замков не совершали длинных прогулок.

Их путь из башни, где они коротали время за чтением какого-нибудь романа, вдоль изгороди из роз или шиповника по замковому саду, в сопровождении собаки и влюблённого пажа, не был долог, и тяжесть платья и золотых цепей, украшавших их грудь, не успевали их утомлять.

Сделаем скачек.

Очутимся в Париже, незадолго до революции, когда умы охватило лихорадочное беспокойство, когда недостаток в деньгах, как это часто случается, «с отчаянья» повлёк за собой, как это ни странно, безумную по тому времени расточительность. До этого времени мода менялась, приблизительно раз в 100 лет.

Конечно, это ещё не значит, что щеголихи дореволюционного периода были менее требовательны и менее расточительны.

Madame Pompadour, фаворитка Людовика XV, создала даже стиль своего имени, роскошь ее причуд по тому времени была по истине сказочна.

Мария-Антуанетта, предававшаяся в последние дни своего царствования идиллической жизни в Трианоне, внесла в наряды буколическую нотку: широкополые шляпы alaberger, с лентой под подбородком, пастушечьи посохи, перевязанные сантиментальными бантами белые буржуазно-скромные платья, в которых прогуливались королева и ее придворные дамы, с корзинами, полными цветов, в руках, по парку.

Только воображение их не успело обнаружить пылкости и смелости модниц времен первой французской революции. Женщины сняли фижмы, мушки, кринолины, оделись в греческие туники, сначала делая их из тяжёлых материй и придя постепенно к прозрачному газу. На голову наматывали чалмы из индийских тканей. Вкус к восточному, увлечение восточным усиливались, вывезенным Наполеоном из египетского похода шали имели громадный успех. На балах того времени дамы являлись в греческих хламидах, украшенных стильными орнаментами, древняя греческая обувь—котурны, сменили башмаки.

Но классическая мода исчезла быстрее, чем следовало ожидать в виду ее эстетического успеха.

Madame Falien и несколько других модниц стали появляться на прогулках в газовых платьях, декольтируйванные до чрезвычайности.

Женщины эти заслужили название «мервельез ».

Естественно, что против этой обнажаемости возникла реакция и женщины все более и более закутывались в ткани.

Но за короткое время существования классических мод с 1795—1799, можно бы написать три огромных тома о детальных изменениях, которым подвергались они, с молниеносной быстротой. Мерсье, известный бытописатель тех времён, изумлялся этой быстрой сменой.

Вот что он пишет по этому поводу:

— «Как уследить за тем, что было модно ещё вчера, а сегодня уже заброшено; вчера ещё короткие лифы наших модниц делались с сердцеобразным вырезом, сегодня эти лифы спускаются на юбку в виде крыльев бабочки; вчера шляпы a la Pamela производили фурор, сегодня их заменили английские шляпы.

Перья, цветы, ленты, вчера ещё украшавшие головные уборы, сегодня заменены кружевами и бусами; просто нет возможности уследить за всеми изменениями, и ни один карандаш в мире не поспеет передать на бумаге все эти новые безрассудные моды.

Жозефина Богарнэ, жена Наполеона, тогдашнего консула, отличалась расточительностью. Она ввела в моду обвешивание платьев и причёсок драгоценностями.

Фантазии царственной креолки обязаны мы этой модой. В 1830-х годах на платьях появилась масса оборок.

Добродетель восторжествовала. «Мервельез» с Madame Folien во главе сменили женщины в кринолинах, стоически отказавшиеся быть интимными.

Теперь перейдём к нашему времени.

Мода меняется быстро,— на это жалуются господа вроде господина Ельца. В своей книге, посвящённой женским модам и именуемой им "Повальным Безумием", он ополчается на женщину.

Разнообразие, недовольство теми формами, что нравились месяц назад, любовь к новому — вовсе не пошлость. Ведь, то же самое происходит и в искусстве. Мода тесно связана с живописью.

Мы любуемся грациозной фигуркой дамы с огромной, пушистой муфтой в руках на портрете г-жи Виже Лебрен, находящемся в Лувре и изображающем г-жу Моля Раймонд.

Но это ещё не значит, что мы должны всю жизнь носить только такую муфту, только такое платье, такую шляпу и такую причёску, как у неё.

Нет — мы были бы односторонни и скучны.

Почему нельзя нам любоваться локонами на английских портретах, на дивные шляпы у Генсборо и Рейнольдса, на скромные, строго-изысканные платья гордых и женственных лэди на их портретах, и почему не полюбить нам и тяжелый шёлк Тициановских женщин? Драгоценную парчу одеяний Монны-Ванны, или даже немного странное теперь, с склонностью к кринолину, малиново-красное платье знаменитой испанской певицы Консуэлы—Зулоага, изображённой в романе того же имени m-me Жорж-Санд .

Нас искушают воздушный ритм шарфов Танагры, богато драпирующихся на плечах, и чудесные восточные муслины на рисунках Бакста.

Чем больше видишь, тем становишься восприимчивей.

И потому не будем бояться и цветных париков. В них лица дам будут, быть может, несколько гривуазно - маскарадны, но это же придаст им незнакомую остроту,

Советы по найму прислуги.

Можно ставить хозяйкам в большую вину то обстоятельство, что они недостаточно подробно и точно выясняют при найме, каковы их требования и условия.

При найме прислуги следует оговорить все: каких услуг ждут от нанимаемой, сколько свободных дней или часов ей полагается в месяц, вычитается ли из жалованья прислуги стоимость разбитых вещей (средство это нельзя не рекомендовать, так как оно приучает прислугу к аккуратности в обращении с предметами обихода, гораздо успешнее, нежели самые усердные выговоры и даже брань). Ещё до поступления данной прислуги в ваш дом, вы должны раз навсегда установить час, в который ей предстоит, вставать, а также и то время вечером, после которого вы не будете больше нуждаться в ее услугах.

Само собой, разумеется, что нельзя ограничиваться одним установлением этих часов, но следует также неотступно придерживаться однажды установленного вами порядка. Нельзя забывать, что у каждой хозяйки, помимо прав на прислугу, есть еще и обязанности по отношению к ней. А первой нашей обязанностью — это не лишать необходимого сна того человека, который находится целый день на ногах.

Уговариваясь с прислугой, которую вы нанимаете, не надо скрашивать предстоящей ей роли; наоборот — лучше преувеличить на первых порах свою строгость и свою требовательность. Не надо также особенно скупиться, когда вопрос идет о выяснении жалованья. Один или два рубля не могут нанести особенного ущерба вашему ежемесячному бюджету, а эта самая сумма нередко удержит в вашем доме на долгое время приличную горничную или кухарку, которая при более низком жалованье будет смотреть на место у вас, как на нечто непрочное, временное.

После того, как выяснятся все мельчайшие подробности, как с вашей стороны, так и со стороны нанимаемой прислуги, вы сдаёте своей новой горничной или кухарке те предметы домашнего обихода, которыми ей предстоит пользоваться.

Передавая горничной или лакею хрусталь, столовое серебро, столовую посуду, столовое белье, чайные полотенца, пыльные тряпки, щётки и передники, следует составить точный реестр всех этих вашей. По этому списку не мешает проверять хотя бы раз или два в месяц содержимое ваших буфетов. Только таким образом , особенно если дело идет о большом хозяйстве, можно следить за целостью вашего имущества. По такому же списку, следует сдавать кухарке или повару всю кухонную утварь и кухонное белье.

Оберегая систематически, без криков, брани и неожиданных вспышек гнева ваше имущество, вы одновременно приучаете свою прислугу к аккуратности, к честности и к уважению к вам. Мы почти всегда в ответе на наш упрёк прислуге, что не сделано то-то, не вычищена такая-то вещь или запущены и не вычищены такие-то предметы, слышим обычно один и тот же ответ: «Я не успела. — «У меня не было времени». Таких ответов из уст прислуги вы никогда не услышите ни во Франции, ни в Германии. Заграницей, в этом смысле хозяйки достигли идеального результата. И вот каким образом.

Рабочий день прислуги разделён на две части. К первой части принадлежат утренние часы, в которой делается всегда одно и тоже: уборка и выветривание комнат, приготовление завтрака и обеда, покупка провизии, накрытие на стол и т. д. Второе же, послеобеденное время каждого дня, кроме воскресений, посвящается каждый раз какому-нибудь определённому труду по хозяйству. Например, в понедельник чистят серебро, мельхиор, дверные ручки и все металлические предметы; во вторник чистят арматуру и зеркала; в среду (или в тот день, который совпадает с приходом полотеров), выбивают ковры, матрацы и циновки в передней; четверг и пятницу посвящают штопке белья; в субботу занимаются освеживанием гардероба: в этот день хозяйка и прислуга осматривают как свои, так и детские платья и все части мужского гардероба: стираются малейшие пятнышки, проглаживаются смятые одежды, пришиваются свежие оборки, плиссировки и кантики к блузочкам и детским платьям и. т. д.

При таком распорядке прислуге не придётся жаловаться на недостаток времени, как впрочем не придется также просиживать бесконечные часы за самоваром, ведя пустые, а часто и вредные беседы.

Я от души советовала бы нашим читательницам позаимствовать этот заграничный распорядок дня. Я убеждена, что они очень скоро убедились бы, что им сразу станет легче вести хозяйство, а дом бы их от этого выиграл в аккуратности, уютности, а также и в значительном спокойствии.

Взаимные ссоры и недоразумения прислуг между собою, от которых страдают все живущие в доме, возникают только в тех домах, где хозяйство ведётся без всякой системы.

Есть одна старинная французская пословица, которая говорит: «отведите место для каждой вещи и всегда кладите данную вещь на раз определенное ей место». Смысл этой пословицы — вот первое, что мы должны стараться внушить нашей прислуге.

Будьте строги и взыскательны каждый раз, как вы увидите малейшую вещь, лежащую или стоящую не на том месте, которое для неё предназначено.

Стоит только посмотреть сквозь пальцы на стакан, почему то стоящий на окне, на пыльную тряпку, забытую в гостиной на кресле, или на щётку, на скоро за сунутую в коридоре или в ванной, на простыню, почему- то спрятанную вместе со скатертями, на детские ботики, вдруг очутившиеся в детской и т. д., как вам с уверенностью можно предсказать, что эти недочёты не только всегда будут повторяться, но что ваша прислуга будет становиться с каждым днём все небрежнее и небрежнее.

Каждая из нас видела и помнит такие беспорядочные дома, в которых неуютно, неопрятно и не нарядно, несмотря на то, что хозяевами тратятся ежемесячно довольно крупные деньги на многочисленную прислугу, на обстановку и на стол.

Обращайте также внимание на внешность вашей прислуги. Горничная в грязном платье, при несвежем переднике, неряшливо причёсанная, компрометирует своих хозяев, открывая в таком виде гостям дверь или, что еще недопустимее, подавая к столу. От хозяйки дома зависит отчасти одежда и манеры прислуги. Мы равно должны запрещать прислуге как слишком убогую, неопрятную, разорванную одежду, так и слишком нарядные, яркие платья. Следует категорически запретить: ношение драгоценностей, сложных причёсок, употребление белил, румян, пудры и духов; следить за тем, чтобы горничная, няня и кухарка ходили в коротких юбках, или еще лучше цельных одноцветных платьях из какой - нибудь моющейся ткани.

Не следует забывать поставить на вид прислуге, чтобы она была вежлива и учтива со всеми приходящими в ваш дом, без различия имущественного положения данного лица.

Тут я должна сказать одну истину, которая, быть может, слегка обидит моих читательниц. Дело в том, что наша прислуга, в раннем детстве, как известно, не получившая никакого воспитания, шлифуется и воспитывается много позже, заимствуя манеры у своих господ. Если каждая хозяйка ценит в прислуге кроткий тихий характер, мягкость и уступчивость и не терпит резкостей и дерзостей, то каждая такая хозяйка должна принять за правило — никогда не возвышать голос и не говорить с своей прислугой громким, раздражённым голосом, предъявляя свои требования в деспотическом беспощадном тоне. Но, быть может, более, чем резкостей, следует избегать всякой фамильярности с прислугой.

Посвятив однажды свою прислугу в вашу личную жизнь или в какую- нибудь часть ее, или же выслушав однажды благосклонно ее наушничанья и пересуды на своих сослуживцев, вы тем самым лишаетесь возможности быть с ней строгой и требовательной,

когда это необходимо. Явное предпочтение, отдаваемое одному лицу, например, няньке, или вашей горничной, обижает всю остальную прислугу и всегда ведет к ослаблению дисциплины в доме. Лучше всего запретить всей прислуге приходить к вам со всякими доносами на остальных. Этим вы избавите себя, и ваш дом от лишних сплетен и интриг.

Графиня Эльза.

ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО.

Практическія свѣдѣнія.

№ 25. Как мыть шерстяную одежду.

Мыть шерстяную одежду, не мылом, а свежими яичными желтками, которые не изменяют краски материи. Взять на один таз тёплой воды пять желтков, которыми, как мылом, натирать грязное платье и затем мыть обыкновенным образом.

№ 26. Мытье кисеи и кружев.

При мытье кисеи и кружев употребляется восковое мыло, приготовляемое следующим образом: взять 16 частей мыла и 2 части воску. Всё наскоблить, изломать, распустить на огне, чтобы все хорошо смешалось остудить, разрезать на куски и употреблять. При таком мыле не потребуется крахмала.

№ 27. Чистка шерстяных тканей.

Взять 30 частей едкого парта, 15 частей углекислого натра и 5 частей сырого глицерина, при чем чистый щёлок будет равняться крепостью 10% более.
Превосходство этой смеси зависит от натра, который ослабляет едкое воздействие щёлока на шерстяные волокна, не мешая, однако, уничтожению на них жира.

№ 28. Чистка галунов.

Растереть белое мыло до густого теста, намазать на золото и дать хорошенько просохнуть, снимать мыло твёрдой кисточкой. Можно чистить и бензинной магнезией. Бывает достаточно, протереть винным спиртом.

№ 29. Уничтожение пятен от ликёр и красного вина.

Высохшие пятна необходимо освежить, намочить слегка тем же винном. которым сделано пятно, смочив чистой водой, тереть его холстом. Если пятно не выходит, намазать лимонной кислотой и щёлоком, если цвет материи позволяет.

№ 30. Уничтожитель ржавчины.

Ржавчина выводится из белых тканей щавелевой солью: на цветных же материях- хлористой кислотой, сильно разведённой в воде.

№ 31. Как удалять червей.

Как удалить дождевых червей из цветочных горшков ?

Существует целый ряд рецептов.

Прежде всего полезно поливать горшки уксусным раствором — одну часть обыкновенного уксуса разводить 3-4 час- сетями воды.

Такая поливка не вредит корням, поливаемых растений.

Необходимо поливать два-три раза.

Рекомендую также поливать растения отваром далматского порошка.

3 чайных ложки персидского порошка заваривают кипятком. Настой разбавляют четвертью ведра тёплой воды.
Необходимо поливать раствором не менее 25 — 30° R.

После поливки черви выползают на поверхность земли.

Не поливайте слишком крепким раствором, так как в этом случае черви не имеют сил выбраться на поверхность, а впоследствии они оживают.

№ 32. Потные пятна.

Потные пятна можно вывести нашатырем, разведенном в воде. Если не скроется пятно, надо выводить щавелевой кислотой, смочив предварительно пятно водой.

№ 33. Как сделать непромокаемой ткань.

Чтобы сделать ткань непромокаемою, следует приготовить сначала два раствора: 1) на полторы бутылки воды растворить 7 золотников свинцового сахару; 2) в полторы бутылках воды — 5 золотников сернокислого алюминия. Затем эти растворы смешивать и, хорошенько взболтав процеживают сквозь чистую кисею, после чего опускают в эту смесь на полчаса ткань, которую желают сделать непромокаемою; вынимают и просушивают на воздухе, не выжимая.

№ 34. Как мыть окна и зеркала.

Окна и зеркала моют тряпкой с порошком, составленным из 3 частей мыла и 3 частей штипеля, просеянного через тонкую кисею. Также хорошо мыть стекла жидко разведенным толченым мылом и вытирать до-суха газетной бумагой. Зеркала можно мыть водкой. Если на стекло попадет краска, смывать скипидаром, известковые пятна — уксусом .

№ 35. Чистка мрамора.

Чтобы вывести пятно с мрамора, приготовляют смесь из поташа и глины, разводят в воде и кладут на пятно на лоскутке; затем высушивают место с помощью раскалённой железной пластинки. Высохшую глину смахивают щёткой.

Если пятно не исчезнет, то повторить, то же самое другой раз.

№ 36. Чистка кукольных головок.

Кукольные головки из папье-маше моют маслом. Размягчить кусочек масла, намазать его на полотняную тряпочку и обтирать лицо куклы, пока оно не побелеет. Не следует только трогать румянца на щеках, губ и бровей; от масла именно сходит не только грязь, но и краска. Тоже, не следует нажимать и тереть долго в разные стороны: от этого на лице могут образовываться рябинки.

№ 37. Простой способ определить степень сырости жилого помещения.

Для этой цели берут фунт или два фунта извести (не гашеной), насыпают последнюю в сухую чистую посуду (лучше жестяную) и ставят в исследуемом помещении, закрывая при этом, как можно плотнее все окна и двери.

По прошествии 24 часов известь опять взвешивают, и если ее вес увеличился на 100 процентов, т.е. удвоился, или еще больше, то такое помещение следует считать для здоровья вредным.

Косметика.

Духи — спутник красоты.

Кто любит духи, тот может всегда душиться, чтобы ни говорили, поэтому поводу пуритане. Обоняние пополняет зрение и является живым источником массы наслаждений. Само слово parfum происходит от parfumum и указывает, что жрецы хорошо изучили оцепеняющее, одуряющее, доводящее до экстаза свойство ароматов, отчего и употребляли их в изобилии при всех религиозных обрядах.

Ароматические смолы — гальбом, стирокса, смира, ориган и др. играли громадную роль у египтян при бальзамировании, и до тех пор, пока обряд этот был в силе, египтяне не страдали ни от каких эпидемий: но как только они покинули обычай бальзамировать своих покойников, чума поселилась в цветущих долинах Нила.

Магомет — воплощение поэта и эпикурейца не мог представить себе рай иначе, как полный благовоний и женщин.

Нерон успокаивал только духами вспышки своего страшного раздражения: по его приказанию комнаты обмывались эссенцией роз.

Ришелье соображал хорошо только в сильно надушенной комнате.

Что может быть бездушнее цветка без аромата. А женщина, по выражению поэта, — это живой цветок на жизненном пути. Вот почему она и должна быть всегда грозна и душиста.

Но, к сожалению, у русской женщины, вообще вовсем крайность: или она считает стыдом употреблять даже духи и пудру и будет в жар ходить с лоснящимся от пота лицом и заносит в своём платье и волосах запах кухни, или она сразу назовёт все предрассудком и начнёт макильироваться как провинциальная артистка. Тогда как хорошее мыло, чайная ложка одеколону, налитая заранее в кувшин воды, тонкая желтоватая пудра, не оставляющая на лице никаких следов, и несколько капель духов в волосах прибавляют очень многое к обаянию женщины.

Платье из батиста.

5. Костюмъ изъ вельвета. 4 арш. мат. 6. Платье для дѣвочки. 3 арш. муслина. 7. Нарядное платье для дѣвочки 12 лѣтъ. 4 арш. матеріи. 8. Полотняное платье. 3 арш. полотна. 9. Костюмъ для мальчика. 2½ арш. сукна.

Платье для молодой девушки.

Блузка из брошо...

Нарядная прическа для дамы средних лет.

Блузка из шармеза.

Блузка из фай-де-шина.

15. Платье изъ батиста. 2 арш. матерiи.
16. Домашнее платье изъ пике. 3 арш.

Английская блузка.

Костюм из фланели
Костюм из муара..

Прическа «Гарсонъ».

Костюм из сукна.

Платье из вельвета.

Группа причесок.

Платье из крепона.
Платье из шелка.

Платье из шармеза.

Вельветовая блузка.